

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.09(=511.132)

Н. В. Горинова

МОТИВ ДВОЙНИЧЕСТВА В ПОЭЗИИ А. ЛУЖИКОВА

В статье исследуется развитие мотива двойничества в лирике современного коми поэта Александра Лужикова. Автор выявляет эстетические возможности феномена двойничества – мотива двоемирия и мотива двойника – в раскрытии неспособности лирического героя гармонизировать отношения с внешним миром и с самим собой.

Ключевые слова: коми поэзия, А. Лужиков, мотив двойничества, тема двоемирия, двойник.

Статья продолжает ранее проведенные нами исследования феномена двойничества в пьесе коми драматурга А. Лужикова «Ыджыд висьом» (Большая болезнь, 1997). Разрабатываемая им тема двойников отражает многие аспекты мировидения автора, раскрывает сложность взаимодействия человека и окружающего мира, отношение человека к власти, к другому человеку, к самому себе, выявляет понимание автором истории России. В драме происходит процесс «расщепления» героя на нескольких персонажей-двойников, что позволяет автору показать деградацию современника, отсутствие цельности его характера, расколотости его сознания [1]. Образцами персонажей-двойников, как сюжетно-композиционной основой драмы А. Лужикова, автор развивает тему двойничества, прозвучавшую в написанных им ранее стихотворениях, вошедших в сборники автора «Ме радейта тэнö» (Я люблю тебя, 1989), «Енэжшёрса ордым» (Небесный путь, 1994). В связи с этим обратимся сначала к поэзии А. Лужикова в аспекте заявленной в названии проблемы, что позволит выявить интертекстуальные связи стихотворений и драмы А. Лужикова, а также особенности развития темы двойничества в его творчестве.

Один из лейтмотивов поэтического творчества А. Лужикова – раздвоение мира как причина появления двойника героя. Существо принципа двоемирия как («заостренного выражения вечной проблемы искусства, противоречия между идеалом и действительностью») в том, что принадлежащий двум мирам одновременно человек переживает разлад с самим собой, чем обусловлена возможность самого факта появления образа двойника [2. С. 10].

Мотив раздвоения мира наблюдается уже в стихотворениях А. Лужикова, вошедших в первый его сборник: «Арся туйясёд сиктысь муні» (По осенним дорогам из села ушел), «Сэк югыд вöліс войыс-луныс» (Тогда светлы были ночь, день). Лирический герой жалеет, что оставил родные края, родную деревню. Эмоции его вызваны не ностальгией по прошлому, проведенному в деревенской глуши. Его волнуют перемены, происшедшие в нем под влиянием городской среды: «збыль мöй öдöбтöм карса олöм / пöртас сьöлöмс кöдзыд изйö?» (неужели суeta городской жизни / превратит мое сердце в камень?)* [8. С. 13]. Основу сюжетов составляет традиционное противопоставление города деревне как более одухотворенной, имеющей более высокий нравственный потенциал. В представлениях лирического героя деревня – это своего рода идеальное место, где только и возможна гармония в отношениях между людьми как символ полноты, цельности и совершенства мира. Явного противопоставления цивилизованного города и не испорченной цивилизацией деревни здесь нет. Но деревня предстает как мир мечты, далекий и недостижимый. Лирический герой не в силах вырваться из городской реальности и вернуться в родные края. Возвращение в мир, влекущий героя своей чистотой, мыслится как мифический, иллюзорный, что наводит на героя чувство грусти от невосполнимой утраты.

Мотив раздвоения мира в душе героя еще более усиливается в стихотворениях следующего сборника А. Лужикова «Енэжшöрса ордым». Так, в стихотворении «Быттö колип гозья» (Словно два соловья) двоемирие приводит к внутреннему раздвоению лирического героя:

*Быттö колип гозья,
öти позйын
пукалöны, вöлöм,
бордья лов да сьöлöм.*

Словно два соловья (муж и жена)
в одном гнезде
сидят, оказывается,
крылатая душа и сердце [7. С. 53].

Здесь дважды проводится параллель между птицей и душой: в первой строке герой сравнивает душу с соловьем, в последней – наделяет ее крыльями «бордья лов» (крылатая душа). Образ соловья в любовной лирике традиционно соотносится с идиллическим миром природы, с чувственными переживаниями лирического героя, что обусловлено красотой его трелей в брачный период. Но в стихотворении А. Лужикова образ соловья связан не с любовными переживаниями героя.

Сравнивая свою душу с соловьем, герой обнаруживает глубокую чувствительность своей души, ее способность ощущать счастье любви и боль потерь другого человека и слагать об этом песни. По существу поэт, открытый для глубоких переживаний, традиционно для лирики сравнивает себя с соловьем. Выражение «крылатая душа» образно выявляет способность души поэта жить самостоятельно, вне телесной оболочки. Образ полета души А. Лужиков развивает в стихотворении «Кöть и ачым муна пемыд вöрöд...» (Хоть сам иду по темному лесу...), открывающем сборник «Енэжшöрса ордым». Романтический мотив «раздвоения» мира исходит из неприятия мира низкой действительности.

* Здесь и далее перевод наш. – Н. Г.

Отсюда – стремление бежать от нее. Чаще всего поэт-романтик спасается уходом от нее в мир грез, который он сам создает в воображении [9. С. 8]. В стихотворении «Коть и ачым муна пемыд вөрөд...» лирический герой – романтик. Он несчастен в современном мире (и сопоставляет свою жизнь с блужданием в темном лесу). Желание убежать из повседневности, устремиться к светлому миру, и сами мечты о нем герой выражает как освобождение души от физического тела и парение ее в небесах:

<i>Му выв олём абу мортлөн ловлы...</i>	Земная жизнь не для человеческой души...
<i>Тані ловлы сёмын шуитём овлө.</i>	Здесь душе только жутко бывает.
<i>Сійөн лолэй энэж шёрё качис.</i>	Поэтому душа поднялась в небеса,
<i>Но өд, но өд татчө кольчи ачым...</i>	Но ведь, но ведь сам я здесь остался... [7. С. 4].

Мотив самостоятельного существования души развивается и в стихотворении «Быттьö колип гозъя»: душа крылата, а значит, в отличие от самого человека, обладает способностью летать. Такое понимание *души* не соответствует традиционным представлениям коми, согласно которым человек имеет две души – «лов» и «орт». Первая – это внутренняя душа человека. Она находится в голове и является носителем жизненного начала, соответствует дыханию человека [5. С. 226]. *Орт* – внешняя душа, сопровождающая человека в течение всей его жизни и иногда дающая ему и его близким знак о близкой кончине [6. С. 268].

В стихотворении А. Лузикова душа обозначается словом «лов», но находится не в голове, а возле сердца, и может покидать тело человека. В то же время она – не орт-двойник лирического героя, а скорее, она напоминает птицу, хотя не является птицей, и с ней сам герой не сравнивается. Представление поэта о душе характерно для традиций многих народов мира. Согласно этим традициям, основным местом обитания души является сердце человека. Предполагается также возможность перемещений души человека в виде птицы во время сна. Отсюда – вера в «вещие сны» и их толкование, а также запрет резко и неожиданно будить спящего: считается, что душа не успеет вернуться и войти в тело [11]. Модификация А. Лужиковым образа странствующей души, характерной для представлений древних, раскрывает способность человеческой души к познанию новых миров, трансцендентальных, неведомых и недоступных человеческому сознанию. Поэт воспринимает душу как субстанцию, способную увидеть и узнать больше самого человека; как своего рода «место», где накапливается материал для творчества. Стихотворение «Быттьö колип гозъя» отображает наличие в жизни лирического героя двух миров – реального и ирреального; осмысление последнего предполагает раздвоение самого героя, временное отделение его души от тела.

В стихотворении А. Лузикова «Пилы» (Сыну) мотив раздвоения мира раскрывает двойственность характера современника, причастного к двум вероисповеданиям. Это своего рода завещание лирического героя, его последнее обращение к сыну. Герой просит похоронить его в заранее выбранном месте и пересадить к его могиле березу и рябину. Хотя в этой просьбе нет стремления героя соблюсти традиции погребальной обрядности коми народа (коми люди редко высаживают

деревья на могилах родных), но связь с народными представлениями все же проступает. Лирический герой полагает, что эти деревья способны охранять его могилу: «Еджыд кыддыс, пелысь пуыс / лёксым сайёдасны гуёс» (Белая береза, рябина / заслонят от зла мою могилу) [7. С. 35]. Действительно, издревле пермяне считали, что береза и рябина обладают сильными магическими свойствами, как обереги против воздействия злых духов. Так, березовые ветки и веники в народной магии имели очистительное значение и применялись в весенних продуцирующих обрядах: обрядах, связанных с родинами, детством и свадьбой, в целительстве и в избавлении от порчи [10. С. 174]. Рябину использовали при схватке с колдуном: можно победить, если бить колдуна палкой из рябины; а с помощью пули, выструганной из рябины, – избавиться от лешего и др. [4. С. 296].

При осуществлении погребального обряда сын должен придерживаться одного условия: не забывать родного отца. В противном случае лирический герой требует срубить деревья на могиле и сделать из них крест, а затем поставить за упокой души отца свечку в церкви. Второй вариант погребения является частью православной погребальной обрядности. Поэт сопоставляет два вероисповедания: береза и рябина – знаки язычества; деревянный крест и свеча – знаками православия. Подчеркнем, что в стихотворении речь идет не о большей значимости какой-либо религии – автор через слово лирического героя выявляет, что ближе его сердцу как сердцу коми человека.

Так, герой отмечает, что деревья на его могиле будут отмечены *жизнью* («ловья паса»), в то время как о кресте и свече не сказано ничего. Однако из этого не следует, что православие не имеет жизненной силы. Это значит для поэта, что язычество, несмотря на принятие народом коми христианства, живет и развивается в сознании коми человека. Рябина и береза, в отличие от креста и свечи, имеют *корни*, что выявляет глубокую укорененность языческого мировосприятия в душе коми человека. *Крест* и *свеча* обречены на кратковременное существование, первый с течением времени сгниет, вторая – растет. Но это не значит, что православное вероисповедание останется в прошлом народа коми. Стихотворение выявляет лишь неглубокую привязанность коми человека к этой религии.

Примечательно, что христианское вероисповедание связано в тексте с темой забвения: лирический герой требует обратиться к православному погребальному обряду лишь в случае сыновнего нежелания посещать его могилу. Тем самым усиливается мысль о том, что сын, забыв отца, разрывает отношения со всеми предками, с прошлым своего рода, в данном случае – с языческой историей народа. Вот почему герой просит своего сына срубить деревья на своей могиле и поставить деревянный крест.

В истории народа коми подобная ситуация уже имела место: в XIV в., во времена христианизации Коми края, святитель Стефан Пермский срубил прокудливую березу – объект почитания и поклонения зырян, а на ее месте в дальнейшем был построен православный храм.

Срубание березы стало маркером перехода коми народа от язычества к христианству, знаком «смены золотого века на земледельческую христианскую эпоху» [10. С. 174]. Лирический герой ассоциирует себя с судьбой народа коми,

ощущает оторванность потомков от родных корней и выявляет возможность воссоздания исторического сюжета, как повторного отказа зырян от своих традиций, взглядов и моральных устоев. Вместе с тем герой вынужден признать отсутствие у потомков стремления укорениться в давно насаждаемой религии. Ее возможности в скреплении рода, людей, судя по мыслям лирического героя, коими народом еще не оценены: зыряне соблюдают лишь внешнюю обрядность – ставят на могилах кресты, а в церквях свечи. Поэтому герой понимает, если его сын забудет отца, своих предков, прошлое своего народа, то поверхностно принятое христианство не спасет все перечисленное от полного забвения. В этом его тревога и смысл обращения к сыну, акцентированный в названии стихотворения «Пилы» (Сыну).

Мотив двойственности, получивший развитие в сопоставлении двух погребальных обрядов, выражает беспокойство автора за будущее поколение народа коми, которое при его поверхностном отношении к вероисповеданию, занимает промежуточное положение между двумя мирами, между двумя религиозными системами, поэтому его сознание раздвоено, расколото. «Двойственное» состояние человека, оставившего язычество и воспринявшего из православия лишь обрядность, не может не сказаться на его отношении к действительности, в первую очередь – к культуре: поэт предвидит охлаждение такого человека к ценностям своего народа.

В стихотворении А. Лужикова «Лёггун йылысь притча» (Притча о вражде) мотив раздвоения мира позволяет раскрыть внутреннее состояние человека, питающего ненависть к кому-либо. В аллегорической форме поэт размышляет о том, что может послужить объединению враждующих людей. Прежде всего, это решение каких-либо общих проблем, а также общие религиозные предпочтения. Аллегорически представлен момент разобщения враждующих людей: «*Гызьём юсö вуджём бöрын / кок ув муным потас шöри*» (После того как мы перейдем волнистую реку, / земля под ногами треснет надвое) [7. С. 11]. Смысл аллегории в следующем: как только мы решим наши общие проблемы, мы расстанемся, причем расставание будет расколом, разрывом, болезненным и убивающим. Степень ненависти лирического героя к своему врагу автор сравнивает со стихийным бедствием, выявляя разрушительную силу вражды, возможно, редко приводящей окружающий мир к хаосу, но обязательно разлагающей (можно сказать, *раздваивающей*) душу человека, который питает ненависть к себе подобному.

Раздвоенность сознания лирического героя порождает в стихотворении А. Лужикова «Векни, чукля туйöд» (Узкой, изогнутой дорогой) его двойника. Этот персонаж, соответственно классическим характеристикам двойника, имеет полное внешнее сходство с лирическим героем: оба родились в один и тот же момент, у них одинаковые телосложения, лица, имена, фамилии, отчества. Внешне тождественный герою стихотворения, двойник одновременно противопоставлен лирическому субъекту в том, что двигаются они в разных направлениях: лирический герой – вверх, в рай; его двойник – той же дорогой вниз, в ад, персонифицируя темные, теневые стороны характера героя [10. С. 16].

В литературе о двойниках исследователи выявляют два основных вида двойничества. Первый основан на удвоении индивида, представленного в дву-

единстве героев, повторяющих и дополняющих друг друга (таковы, например, двойники Раскольникова – Свидригайлов, Лебезятников). Второй вид – раздвоение целого, когда автор занят уже не осмыслением общего явления, а наблюдением за его частью как осознание самим героем своего раздвоения (мыслей, чувств, душевных переживаний) [3. С. 6]. А. Лужикова интересует второй тип двойничества: двойник как результат раздвоения личности, как отражение противоречивости, неустойчивости, переменчивости характера самого лирического героя, следствие разлада его с самим собой, борьбы его помыслов, желаний и страстей. Это внутреннее несогласие героя с самим с собой вроде не имеет острого накала: так, в стихотворении «Векни, чукля туйёд» представлена лишь мимолетная встреча лирического субъекта со своим двойником. Однако направление движения последнего выявляет, что он тянет героя в ад, причем он настолько силен, что может отделить душу героя от Бога, тем самым умертвив ее. Двойник в стихотворении А. Лужикова представляет собой проекцию части сознания (или подсознания) героя, которое, будучи введенным в текст в ранге отдельного персонажа, убедительно демонстрирует противоречивый характер лирического субъекта.

Тот же прием лежит в основе в стихотворения А. Лужикова «Гартча гумыль вабергачын» (Кручусь в стремительном водовороте), в котором лирический герой видит себя в двух ипостасях: в стремительно вращающемся водовороте и в невероятно маленькой игрушке, крутящейся в этом водовороте. Образы явно противопоставлены друг другу: первый раскрывает духовную силу и мощь лирического героя, второй, напротив, – абсолютную беспомощность. И различные жизненные ситуации высвобождают то или иное обличие лирического героя, и, судя по всему, контролировать свои трансформации он не может:

<i>Гартча</i>	Кручусь
<i>гумыль вабергачын.</i>	в стремительном водовороте.
<i>Гартчигмозыс</i>	В кружении
<i>швуча-швача</i>	<i>швуча-швача</i>
<i>уся-кача,</i>	падаю-взлетаю,
<i>уся-кача...</i>	падаю-взлетаю... [7. С. 33].

Раздвоенность характера лирического героя обуславливает постоянство его движения, но оно беспорядочно, по сути – герой движется одновременно и на горизонтали (по кругу), и по вертикали (вверх-вниз), что говорит о двойственности его характера. Такая разнонаправленность жизни не может не причинять ему боль, но он не в силах что-либо изменить, не может составить из разных своих ипостасей одну.

Особое звучание тема двойничества получает и в стихотворении «Сьёддёдм да едждём бёрас» (После потемнения и просветления), в котором лирический герой рассказывает о кошмарном сне, воспроизводящем действительные события из его прошлого: арест деда. Времена репрессий 1930-х гг. не получают у А. Лужикова конкретно-исторического освещения, гнетущую обстановку эпохи красного террора автор раскрывает через психологический параллелизм: природные явления – гроза, молнии, дождь с крупным градом; парящий

над селением ворон – как яркие и пугающие характеристики кровавых дней России. Обратим внимание на первые две строки: «Сьоддоддм да еджддм ббрас / енэж потіс йи моз шбрі...» (После потемнения и просветления / небо расколослось словно лед на две равные части...) [7. С. 20]. Расколотость небес не столько метафора постреволюционного времени, сколько показатель состояния общества этого периода: расколотого, разрушенного, перевернутого, разделенного на пролетариат и врагов пролетариата, на белых и красных, бедных и кулаков. Общественное сознание ввиду кардинальных политических, экономических, социальных изменений находится в тревожном состоянии, в страхе, в ожидании еще больших катаклизмов. Смятенное состояние общества также можно назвать расколотым, растерзанным ожиданиями негатива. Поэт, воссоздавая атмосферу периода репрессий, выявляет связь исторических событий с современностью. Рассказ лирического героя о кошмарном сне воспроизводит ощущения арестованного в прошлом деда. Герой чувствует боль деда, ожидающего не только долговременную ссылку, но и смерть, о чем говорят последние строки: «Сійдн пблльдн вирыс дні / горзб менам дзик бьд сбнын» (Поэтому кровь деда теперь / кричит в каждой моей вене) [7. С. 20]. Ощущения человека из прошлой эпохи, переданные поэтом через жуткий сон современника, можно рассматривать как некую раздвоенность, «вмещенность» в одном герое двух судеб, двух жизней.

Метафорическое выражение «крик крови» восходит к библейскому сюжету об убийстве Авеля Каином: Каин хотел скрыть сделанное им преступление, но кровь убитого Авеля, по словам Господа, вопиет от земли к Нему. Здесь кровь убитого предка вопиет в лирическом герое, тем самым сообщает потомкам о страдании невинно осужденного человека. По мысли поэта, так страдания предков передаются генетически и мучают потомков впоследствии. В данном случае мотив раздвоения реализуется в «обратном» направлении: не целое разделяется на части, а части соединяются в целое, не теряя при этом своей частности.

Анализ поэзии А. Лужикова позволяет проследить динамику развития темы двойничества в его творчестве (не только в драме «Ыджыд висьом», но и в лирических произведениях, написанных им ранее). Тема двойничества в его поэзии реализуется как на уровне раздвоения мира на реальный и идеальный (протест поэтической души против существующей действительности), так и на уровне раздвоения сознания лирического героя, обусловившего появление своеобразного двойника. Как и в драме «Ыджыд висьом», так и в стихотворениях А. Лужикова мотив двойничества порождается трагедийным пафосом разорванного сознания, которое не в состоянии гармонизировать отношения с внешним миром, с самими собой. Появление двойников в художественном мире автора – следствие его душевных метаний, его смятенного состояния. Анализ стихотворений выявил также эволюцию, углубление темы двойничества в творчестве А. Лужикова: в его поэзии мотив раздвоенности оваян романтикой – отражает непримиримость лирического героя с действительностью, желание бежать из нее. В драме тема двойничества получает остросоциальное звучание, раскрывая конкретно-исторические условия, которые стали причиной раздвоения сознания главного героя.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Горинова Н. В.* Феномен двойничества в драме А. Лужикова «Ыджыд висьом» (Большая болезнь) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2013. Вып. 2. С. 46–54.
2. *Грудкина Т. В.* Феномен двойничества в русской литературе XIX в. Автореф. дис. ... канд. филол. н. Шуя, 2002. 18 с.
3. *Комова Т. Д.* Двойники в системе персонажей художественного произведения (на материале западноевропейской и русской литературы XIX в.). Автореф. дис. ... канд. филол. н. М., 2013. 23 с.
4. *Конаков Н.* Пелысь // Мифология Коми. М.: Изд. ДИК, 1999. С. 296–297.
5. *Лимеров П. Ф.* Лов // Мифология Коми. М.: Изд. ДИК, 1999. С. 226.
6. *Лимеров П. Ф.* Орт // Мифология Коми. М.: Изд. ДИК, 1999. С. 268–269.
7. *Лужиков А.* Енэжшорса ордым: Кывбурьяс. Сыктывкар: Коми книжной издательство, 1994. 128 л.
8. *Лужиков А.* Ме радейта тэнö: Кывбурьяс. Сыктывкар: Коми книжной издательство, 1989. 41 л.
9. *Нечаева Е. А.* Поэтика демонического в творчестве Э. Т. А. Гофмана. Автореф. дис. ... канд. филол. н. М., 2002. 20 с.
10. *Уляшев О. И.* Хроматизм в фольклоре и мифологических представлениях пермских и обскоугорских народов. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 422 с.
11. http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_mythology/2369 (Мифы народов мира).

Поступила в редакцию 21.01.2015

N. V. Gorinova

The Motive of the Doubles in A. Luzhikov's Poetry

The author investigates the development of a motive of the doubles in poetry of modern Komi poet A. Luzhikov. The author reveals esthetic opportunities of phenomenon of the doubles – motive of two worlds and motive of the double – in disclosing inability of a lyrical hero to harmonies relations with the outside world and with himself.

Keywords: Komi poetry, A. Luzhikov, motive of the doubles, theme of two worlds, double.

Горинова Наталья Васильевна,

кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
E-mail: ngorinova@mail.ru

Gorinova Natalya Vasiljevna,

Candidate of Sciences (Philology), Research Associate,
Institute of Language, Literature and History
Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences
167982, Russia, Syktyvkar, Kommunisticheskaya St., 26
E-mail: ngorinova@mail.ru